

П. А. Горбунов

Празднично-церемониальные мероприятия рыцарского сословия

В статье предпринята попытка показать роль придворных празднеств и церемоний в репрезентации рыцарского сословия. Приведены примеры некоторых праздничных церемоний и показаны возможности сословной репрезентации рыцарства и высшей знати, обозначены некоторые предметы сословной идентификации рыцарства.

Ключевые слова: придворная культура, королевский двор, рыцарство, рыцарское сословие, рыцарские турниры, власть, зрелище, празднества, церемония, репрезентация, ценность, ритуал.

P. A. Gorbunov

Festive and Ceremonial Actions of Knightage

The article attempts to show the role of court festivals and ceremonies in the representation of knightage. Examples of some celebratory ceremonies are resulted and possibilities of estate representation of chivalry and nobility are shown. Also some subjects of class identification of knights are designated.

Keywords: court culture, the royal court, chivalry, knightage, jousting tournaments, power, a spectacle, celebration, a ceremony, representation, a value, a ritual.

Придворные празднества и церемонии по праву являются одними из самых ярких явлений рыцарской праздничной культуры. К тому же проблемы изучения культуры рыцарского сословия остаются одними из наиболее популярных в медиэвистике.

Рыцарство и придворная культура представляют собой две области, отношения между которыми отличаются особым интересом. Историография рыцарства позволяет судить, что элементы придворной культуры появились уже в раннем средневековье. Здесь, прежде всего, уместно сослаться на двор Карла Великого, с которого вообще отчасти начинается история европейского рыцарства и где впервые сложились дифференцированные элементы дворовой организации и разнообразные формы придворной культуры.

В последующую эпоху, в «зрелое средневековье», королевские дворы и дворы крупных сеньоров приобретают новое значение и становятся центрами общественной и культурной жизни. Повышению престижа крупнейших дворов не в последнюю очередь способствовало рыцарство, что дает право говорить о рыцарско-придворной культуре.

При изучении придворных празднеств и церемоний необходимо проанализировать образ двора как важного социального института, внутренний мир и деятельность которого фокусировали на себе все стороны жизни средневекового об-

щества. Феномен двора носил универсальный характер, возникая повсюду, где существовала политическая власть. Исключительность положения суверена объясняет предназначение двора на всем протяжении средневековой истории быть центром политической системы, выходящим за пределы только частного жилища и частной жизни монарха и его окружения [1, с. 13].

Вообще, понятие «двор» в литературе определяется по-разному. Но из всех направлений, демонстрирующих комплексную природу двора, нас, прежде всего, интересует его культурное влияние. Двор был притяжением всех активных сил государства, он культурно объединял различные земли и задавал общегосударственные культурные образцы [2, с. 21].

Двор сыграл исключительную роль в обеспечении «нематериальных» форм верховной власти, иными словами, ее отражения или выражения в символических эквивалентах, художественных и идеологических образах. Двор монархов крупных государств стал грандиозным и ослепительным театром королевской власти, в котором разыгрывались спектакли ее репрезентации. Подобно процедурам коронации, помазания, исцеления, церемониал и этикет двора как знаковые системы поведения за столом, отхода ко сну, аудиенций и приема послов, его праздники, турниры, игры и охота, форма и цвет ливрей придворных слуг конституировали и закрепляли важные для сознания

подданных представления о величии короля. Зрелищная и идеологическая практика двора не могла остаться в границах чисто прагматических задач по обеспечению исключительного положения королевской власти, естественно способствуя развитию политической культуры и культуры в целом [1, с. 19].

Жизнь средневекового королевского двора, с ее многообразием и неоднозначностью, была строго регламентирована как в своем будничном, так и в праздничном проявлениях [3, с. 253].

Следует отметить, что в эпоху средневековья ритуалы и обряды играли важную роль. Общество было семиотизировано, что называется, насквозь. Естественно, можно говорить о повышенной значимости средневековой репрезентации власти. Вряд ли необходимо доказывать, что «представительство» – постоянно присутствующая черта любой власти: власть «без облика» не функционирует и даже попросту не существует [4, с. 37].

Наиболее яркими выражениями праздничной придворной культуры, дающими представление о том, как проявлялся монархический символизм, являются королевские процессии и торжественное вступление "entrées solennelles" в город. Такие торжественные вступления короля в отдельные города еще часто носили название «радостный въезд». Описаний подобных встреч средневековых государей с их подданными сохранилось достаточно много. Праздничный кортеж проходил через город в течение многих часов. Сам город был украшен и преображен аллегорическими статуями и триумфальными арками, специально построенными по этому поводу. Весь город становился гигантским символическим текстом, требовавшим расшифровки [5].

В качестве наглядного примера придворных празднеств и церемоний будет нелишним привести несколько эпизодов из одной примечательной главы «Хроник Фруассара», где описывается Парадный въезд Королевы Изабеллы в Париж. В августе 1389 г. ее короновали в Париже, и по этому случаю в столице разыграли замечательные мистерии – пышные зрелища и турниры.

Церемония въезда королевы, судя по рассказу хрониста, состояла из девяти этапов – девяти торжественных и праздничных действий. Мы же подробнее остановимся лишь на некоторых из них.

Открывало церемонию торжественное шествие знати к городу. Естественно, центральной фигурой процессии являлась королева. Носилки королевы сопровождалась именитыми герцогами, которых подробно перечислял Фруассар. К организации и порядку шествия участников торжествен-

ной церемонии Фруассар относится с особенным интересом, тщательно воспроизводя очередность, в которой располагались участники движения, поскольку участие в таких процессиях, и главное, занимаемое в ней место наглядно демонстрировало статус человека в сословной и придворной иерархии [6, с. 68].

Итак, первое представление – въезд в город, осуществлявшийся по традиционному маршруту. «В первых воротах Сен-Дени, тех, что ведут в Париж, было устроено изображение звездного небесного свода, и здесь же были дети, одетые как ангелы, и их пение и псалмы были мелодично сладки. Вместе с тем, там была статуя Богоматери с младенцем. Верхняя часть этого небесного свода была богато украшена гербами Франции и Баварии на фоне золотого лучезарного солнца» [7, р. 399], – указывал Фруассар. Заметно, как религиозный мотив декора органично сочетался с королевской символикой. Тем самым подчеркивалась сакральная основа королевской власти [8, с. 77].

Далее мы можем наблюдать разнообразные театрализованные представления. У монастыря Святой Троицы изображена «живая картина» [7, р. 400] – импровизированное сражение между сарацинами и крестоносцами. Сюжет данного представления затрагивает всегда актуальную в рыцарской идеологии тему крестовых походов. И слава предков еще воспламеняла души французского рыцарства.

Театрализованное действие у здания королевского суда Шатле так же символично по содержанию. Представленные образы животных олицетворяют конкретные качества. Фигура оленя всегда использовалась в королевской символике Франции и Англии. Орел в Библии олицетворял величие и всемогущество Бога и являлся символом божественного вдохновения [9, с. 351–352], Лев – символ власти, храбрости, силы духа, мощи и величия [9, с. 262–263]. Представленные как символы духовенства и рыцарства, они были призваны служить опорой королевской власти [8, с. 80].

Торжества, посвященные коронации Изабеллы, по словам Фруассара, продолжались несколько дней. «Для удовольствия короля и дам было подготовлено представление. Посреди дворца был сооружен замок шириной в сорок футов, высотой и длиной в двадцать футов, посередине замка была самая высокая башня. Замок этот изображал собой город Тройю, а высокая башня в его центре была Илионским дворцом, где развевались штандарты короля Приама, его сына, храброго Гектора, и других его детей, а также королей и принцев, находившихся в Трое. И была эта конструкция

подвижной, на колесах, которые довольно ловко приводились в движение. И пришли этот замок атаковать и осаждают другие люди. Они находились на корабле, который также передвигался при помощи ловко спрятанных колес; и там были гербы греческого короля и прочих, кто в былые времена осаждал Троию. Люди с корабля устремились на штурм замка, а находившиеся внутри стали защищаться» [7, р. 404–405].

Это представление показывает нам, что рыцарство во многом отождествляло себя с известными героями античности. Особенно популярными были образы героев Троянской войны. Да и в целом можно сказать о заметном влиянии античного наследия на сознание средневековой знати.

Как мы видим на примере этих нескольких отрывков, церемония въезда королевы в Париж, приуроченная к ее коронации, чрезвычайно насыщена зрелищами и является настоящей мистерией, своего рода торжественным праздничным фестивалем.

Материалы описаний торжественных королевских въездов чрезвычайно важны для исследователей, они являются наглядным примером праздничной придворной культуры. С одной стороны, содержание церемонии торжественного въезда позволяет рассматривать ее в рамках проблемы взаимоотношений города и королевской власти [10, с. 218–219]. Но для нас более важен другой аспект. Одновременно торжественные въезды были средством репрезентации как королевской власти, так и рыцарского сословия в целом. По сути, репрезентация города прошла в первый день. Все последующие торжества, праздничные обеды, театрализованные представления и танцы описываются хронистом как увеселительные мероприятия знати, на которых горожанам отводится мало места. Тот факт, что последующие три дня проводились турниры – формы рыцарской репрезентации – говорит о многом. Определенно, рыцарские турниры являлись неотъемлемой частью всех празднеств и часто приурочивались к подобным торжественным событиям.

Празднично-церемониальные мероприятия были чрезвычайно важны для репрезентации рыцарского сословия. Регламент и обрядовая сторона играли здесь большое значение. Вместе с тем представители господствующего сословия больше, чем кто-либо в феодальном обществе были подчинены строгому регламенту, диктовавшему их поведение. Разработанный кодекс рыцарской чести предписывал сложные процедуры и соблюдение этикета, отход от которого даже в мелочах мог уронить достоинство рыцаря в глазах других членов привилегированного класса. Его благород-

ное происхождение и высокий общественный статус налагали на него обязательства. Рыцарь именно исполняет свою роль, ни на минуту не забывая о зрителях, перед которыми он «играет», будь то король или его прямой сеньор, дама или такой же рыцарь, как и он сам [11, с. 184].

Можно сказать, рыцарская культура была экстервертной, в ней была чрезвычайно важна внешняя сторона. В жизни рыцаря многое было сознательно выставлено напоказ. Отсюда внешний блеск рыцарской культуры, ее особое внимание к ритуалу, атрибутике, символике, этикету.

Социальный статус знати предполагал целый комплекс рыцарских качеств. Одной из важнейших категорий, характеризующих рыцарство, проявлявшейся во всех придворных празднествах и церемониях, была щедрость. Проявление щедрости, особенно со стороны сеньора, было обязательным. Она также была одним из средств, с помощью которых реализовывалась власть сеньора, укреплялось его положение, поддерживался его высокий престиж и слава, и, в широком смысле, выражалась репрезентация рыцарского сословия. Причем щедрость была необходима безудержная, не принимающая в расчет размеры накопленных богатств. Можно было истратить все, что имелось, если это было необходимо для того, чтобы дарами, пирами, подношениями, демонстрацией имущества и каких-то роскошных предметов привлечь к себе симпатии определенных категорий населения или отдельных лиц, в поддержке которых даритель был заинтересован. Роскошь должна была поразить окружающих. Богатство было нужно сеньору не для накопления; оно требовалось, прежде всего, для демонстрации и для демонстративного публичного расточения [12, с. 70]. Такая демонстрация имела место прежде всего во время праздничного мероприятия.

Среди «репрезентативных ценностей» важное место занимает серебряная или золотая посуда, на которой, как правило, изображался герб дарителя.

Большую социальную значимость имела одежда. Она точно указывала на социальную категорию, была настоящей униформой. Носить не ту одежду, которая подобала человеку по его положению, означало совершать грех гордыни или падения [13, с. 334]. Одежда, равно как и количество сопровождающих лиц в свите, также являлись средством выражения социального статуса. С XV в. особо ценилось, чтобы все спутники знатного лица были одеты одинаково или хотя бы в цвета герба сеньора, откуда появились ливреи.

Не менее широко распространены были и средства акустические, которыми люди предупреждали о приближении знатного лица: трубы,

фанфары и колокола рано стали использоваться как «средство социальной идентификации» [4, с. 50].

Необозрим мир всех этих предметов, имевших то или иное символическое значение, постоянно присутствовавших в придворном церемониале, отражающих саморепрезентацию рыцарства, и, в первую очередь, высшей знати как носителя власти. Здесь и короны, и жезлы, и священные копыя, и мечи, которые украшали правителей. Одни из этих символов восходят генетически еще к древним цивилизациям Востока, другие имеют римские корни, третьи унаследованы средневековьем от германской архаики [4, с. 54].

Свое благородное превосходство верхушка общества демонстрировала и в области питания. Излишество в пище было первым из излишеств. Тут напоказ выставлялись особые продукты: дичь из сеньориальных лесов, разнообразные деликатесы, пряности и диковинные кушанья, которые готовили повара [13, с. 332]. Ну и, конечно же, все придворные церемонии объединяет общий финал – пиры, которыми было предписано завершать мероприятия такого ранга. Постцеремониальный пир предстает перед нами не просто гастрономическим действием, – его проведение сопряжено с целым рядом дополнительных развлечений: игрой музыкантов, рыцарскими турнирами и балами [14, с. 240]. Пир был одним из важнейших средств распределения и перераспределения материальных богатств внутри общества, чтобы сеньор мог достойно содержать необходимое ему окружение [12, с. 70].

Дворы знатных сеньоров почти не уступали своим величием королевским дворам. Париж и французский королевский двор в действительности пережили упадок и перестали быть центром интеллектуальной и художественной жизни. Бургундский двор с конца XIV в. и особенно в XV в. занял исключительное место среди дворов могущественных европейских государей. Современники называли его сокровищем или жемужиной Запада, будучи поражены его политическими амбициями, культом института рыцарства – одного из наиболее ярких знаков уходящего западноевропейского мира, роскошью придворной жизни, причудливостью и волшебством праздников [15, с. 223].

Итак, мы видим, что в ту эпоху ритуалы и обряды играли жизненно важную роль и поистине являлись способом самовыражения представите-

лей различных слоев общества. Всевозможные придворные празднества и церемонии были не только формой повседневной культуры, но и средством репрезентации рыцарского сословия, способом выражения его основных ценностей.

Примечания

1. Хачатурян, Н. А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике [Текст] // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. – Вып. I. – М. ; СПб. 2001.
2. Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII вв. [Текст]. – СПб. , 2004.
3. Фаулер К. Эпоха Плантагенетов и Валуа [Текст]. – СПб. , 2002.
4. Бойцов М. А. Скромное обаяние власти [Текст] // Одиссей. – М. , 1995.
5. Ямпольский М. От символического тела к репрезентативному пространству [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение (НЛО). – 2002. – № 56. // <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/56/iampol.html>
6. Бойцов М. А. Как горожане встречали своего сеньора [Текст] // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М. , 2000. – Т. 4.
7. Froissart Jean. The Chronicles by sir J. Froissart of England, France, Spain and the adjoining countries. Book IV, ch. 2 / Ed. T. Johnes. London 1857. Vol. 2
8. Акимова, Е. Ю. Восприятие горожанами королевской власти: торжественный въезд Изабеллы Баварской в Париж (по хронике Фруассара) [Текст] // Средневековый город : межвуз. науч. сб. – Вып. 18. – Саратов , 2007.
9. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия [Текст] / авт.-сост. Багдасарян В. Э. , Орлов И. Б. , Телицын В. Л. ; под. ред. В. Л. Телицына. – М. , 2003.
10. Цатурова С. К. «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) [Текст] // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М. , 2004.
11. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры [Текст]. – М. , 1984.
12. Гуревич А. Я. Нескромное обаяние власти [Текст] // Одиссей. – М. , 1995.
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада [Текст]. – М. , 1992.
14. Польская С. А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора [Текст] // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. – Вып. I. – М. ; СПб. 2001.
15. Хейзинга Й. Осень Средневековья [Текст]. – М. , 2004.